

Звучало действительно талантливо.

Но в последнее время у Чжао Наня совершенно не было возможности восхищаться чужими талантами.

Учитель в учебной палате оказался особенно строгим. Узнав, что у Чжао Наня слабая база, он постановил: мало посещать дневные занятия — после уроков тот обязан оставаться, учить иероглифы и зубрить тексты.

По его рвению можно было подумать, что он решил вырастить для княжеской резиденции непревзойдённого гения всех времён.

Только вот где вы видели лёгкую жизнь учёного?

Чжао Нань хлебнул горя уже в первый день.

Тогда его отпустили лишь в час Петуха. По дороге он случайно встретил возвращавшегося в резиденцию Фу Цзюэчжи.

Две кареты поехали рядом. Когда они добрались до ворот и Чжао Нань спустился на землю, князь согнул палец и легонько стукнул его по лбу.

Фу Цзюэчжи ещё и улыбнулся, подарив ему одно-единственное слово:

— Глупый.

Чжао Нань до сих пор затаил на это глубокую обиду.

Последние дни ради возможности уходить с занятий пораньше он опросил всех знакомых на тему «как повысить эффективность заучивания текстов».

Советов набралось столько, что хватило бы на отдельную энциклопедию хитростей и жульничества.

Жаль только, у учителя Чжана были глаза как у сокола. Кроме как запомнить шпаргалку заранее, Чжао Нань не мог применить на практике ни одну уловку.

Сидевший впереди однокашник тяжело вздохнул, повернулся и виновато хлопнул его по плечу.

— Ничем не могу помочь, брат.

Раз обходные пути закрыты, Чжао Нань решительно ступил на путь честного человека.

Плохая память? Пиши больше.

Хо Чэнчуань наблюдал, как тот дважды переписал «Оду добродетели вина» и превратился в человека, утратившего всякую волю к жизни. С жалостью он погладил Чжао Наня по голове.

— Послушай меня. Чем заставлять себя страдать, лучше просто себя отпустить.

Чжао Нань без сил отбил его руку.

— Я-то могу себя отпустить. А учитель меня отпустит?

Мэн Инцзюнь злорадно ответил:

— Нет.

Подумал, убрал улыбку и с видом мудрого наставника произнёс:

— Небо рождает каждого не напрасно...

Чжао Нань отвернулся, не желая слушать:

— Прости, меня мама родила.

Мэн Инцзюнь:

— ...

Он решил больше не убеждать.

Проводил взглядом Чжао Наня, который через каждые три шага оборачивался назад и с видом покойника входил во двор учителя.

Все думали, что, как обычно, тот просидит там три четверти кэ.

Но уже в следующую секунду Чжао Нань с безумным хохотом вылетел обратно.

Хо Чэнчуань удивлённо поднял брови:

— Что случилось?

— Учитель Чжан сегодня взял выходной. На свадьбу ушёл!

Лицо Чжао Наня сияло счастьем.

Он внезапно сложил ладони и трижды почтительно поклонился пустому воздуху.

— Как и думал: на себя надеяться бесполезно. Остаётся только молиться Небу.

Все:

— ...

Но исход действительно порадовал каждого.

Компания вышла из учебной комнаты и вместе дошла до ворот, где все разошлись в разные стороны.

Карета княжеской резиденции уже давно ждала снаружи. Чжао Нань направился к ней, но старый управляющий учебной палаты вдруг окликнул:

— Господин княжеский супруг.

Он остановился и обернулся.

Старик подошёл и вложил ему в ладони лёгкий деревянный ящик.

Чжао Нань вопросительно поднял глаза.

Управляющий добродушно улыбнулся:

— В полдень вас искали несколько господ. В учебную палату посторонних не пускают, охрана здесь строгая, поэтому они оставили вещь у меня и просили передать после занятий.

Знакомых в Цюэцзине у Чжао Наня было крайне мало.

Из-за Фу Цзюэчжи желающих преподнести ему подарки, конечно, хватало, но никто из них не стал бы действовать таким способом.

Чжао Нань насторожился. Несколько раз переспросил, точно ли ящик предназначался ему, и лишь после этого принял.

Потом вернулся в княжескую резиденцию.

И только через несколько часов снова вспомнил о странном подарке.

Летний зной всё ещё не спадал.

Фухай повернулся и приоткрыл деревянное окно, впуская ночной ветер.

Пламя свечи прыгало.

Чжао Нань сидел за письменным столом, повторял уроки и время от времени зевал.

Ящик он небрежно бросил в углу.

Теперь Чжао Нань от скуки распластался по столешнице, постучал кистью по краю коробки и медленно поддел крышку.

Свет проник в щель и осветил стоявший внутри глиняный сосуд.

Едва слышный шорох ползающих существ почти терялся в ночной тишине.

Чжао Нань словно что-то почувствовал и опустил глаза.

По древку кисти прямо к его руке полз паук.

Он мгновенно подскочил и с размаху швырнул кисть на пол.

Не удержавшись, выругался:

— Да твою же!..

\*\*\*

Дворцовые ворота уже закрылись.

Фу Цзюэчжи потёр переносицу и на мгновение прикрыл глаза, позволяя себе короткий отдых.

Караваны посольства Наньцзяна уже прибыли на почтовые станции в столичных предместьях. В ближайшие два дня они один за другим войдут в город.

На банкете в княжеской резиденции через три дня они наверняка попытаются раздуть тему пограничных конфликтов.

Сегодня при дворе бушевали скрытые течения.

Партия вдовствующей императрицы всегда выступала за мир. Все эти годы она снова и снова уступала Наньцзяну: ежегодные выплаты росли, пограничные заставы отступали, а торговым караванам даже позволили отдать Наньцзяну две десятых древнего торгового пути.

И всё равно князь Наньмин только наглел.

Прошлой ночью в императорский кабинет доставили тайное письмо из Наньцзяна. Между строк почти открыто читалось желание заполнить пограничные пастбища.

Великий наставник Чжуан Е служил учителем двум императорам и всю жизнь пользовался огромным уважением.

Но сегодня даже его лицо позеленело от ярости. Он забыл о всякой выдержке, сорвал чиновничью шапку и швырнул её на пол.

— Два года назад вы отдали древнюю торговую дорогу и сказали, что это временная уступка!

— В прошлом году уступили переправу на реке Болин — и снова назвали это заботой об общей ситуации!

— Теперь вы хотите собственными руками отдать им пастбища? Может, в следующем году ещё пригласим князя Наньмина посидеть в тронном зале Тайцзи?!

Несколько придворных группировок мгновенно взорвались. В зале разразился спор, который продолжался весь день — до красных лиц и хриплых голосов.

Лишь после заседания император наконец заговорил и оставил Фу Цзюэчжи в своём кабинете.

Так они беседовали весь вечер.

Звук ночного сторожа на длинной улице постепенно стихал.

Фу Цзюэчжи немного пришёл в себя.

Вокруг было слишком тихо. Он легко коснулся пальцами тёмно-пурпурной придворной одежды и невольно вспомнил Чжао Наня, который в резиденции постоянно создавал шум.

— С сегодняшнего дня посланники Наньцзяна входят в столицу, — сказал Фу Цзюэчжи, немного ослабляя аккуратно застёгнутый ворот. — Добавь людей. За супругом следить особенно тщательно.

Лоу Чжоу налил ему прохладного чая.

— Есть.

Карета медленно двигалась вперёд. Лунный свет ложился на синие кирпичи длинной улицы.

Вдалеке внезапно послышался торопливый стук копыт, разрывая ночную тишину.

Цок-цок-цок...

Лоу Чжоу поднялся и откинул занавеску окна. Его лицо мгновенно изменилось.

— Князь, это человек из резиденции.

Копыта били по дороге всё быстрее.

Фу Цзюэчжи поднял веки и услышал доклад снаружи:

— Сегодня княжеский супруг принёс из учебной палаты деревянный ящик...

Слуга выехал из резиденции галопом и только теперь разыскал князя. Задыхаясь, он рассказал всё от начала до конца.

— На дне лежало тайное письмо из Наньцзяна и глиняный сосуд.

Пальцы Фу Цзюэчжи на спинке сиденья чуть шевельнулись. Свет огня коснулся тёмных бровей, но в глазах не появилось ни одной эмоции.

Слуга не смел терять ни мгновения. Пот стекал по лицу прямо к губам.

— А в сосуде...

— Был наньцзянский червь гу.

Лоу Чжоу замер и обернулся.

Ещё мгновение назад князь выглядел расслабленным, а теперь уже резко поднялся и одним движением вышел из кареты.

— Что он сделал?

Фу Цзюэчжи легко вскочил на высокого чёрного коня.

Голос стал низким.

— Он что, съел того червя гу?

Холодный острый взгляд заставил слугу с трудом сглотнуть.

— Ваш подчинённый выехал слишком поспешно и не знает...

Он не успел договорить.

Поводья в руках кучера вдруг ослабли.

В следующий миг по всей улице разнёсся громкий конский крик.

Фу Цзюэчжи уже исчез.